

Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана

Д. Г. Умаров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032185182@rudn.ru*

Аннотация. Обеспечение энергетической безопасности Узбекистана является вопросом национальной безопасности, так как отключение электричества или его дефицит грозят приостановкой работы госучреждений, школ, больниц, транспорта и важного с точки зрения безопасности внешних границ оборудования. В быстро меняющемся мире Узбекистану необходимо проявлять оперативность в решении новых вызовов. Зависимость от внешних игроков влечет за собой сопутствующие риски, в условиях которых страна ограничена в своих возможностях и пространстве для маневра. Начиная с 1991 года, когда Узбекистан обрел государственную независимость, энергетическая повестка остается одной из самых сложных государственных проблем. Создание национальной энергосистемы неизбежно приводит к удорожанию электричества, так как возрастают издержки на обслуживание и исключается фактор экономии на объеме выработки электроэнергии. Тем не менее, повышение издержек в одном месте в длинной цепочке производства и поставки электроэнергии можно эффективно компенсировать в другом. Если Узбекистан сумеет повысить энергоэффективность, снизив потери при производстве и поставке электроэнергии, снизит стоимость производимой энергии на электростанциях, то можно нивелировать рост издержек. Другой способ борьбы с повышением цен на электричество – диверсификация поставок электроэнергии за счет привлечения партнеров из стран Центральной Азии и КНР. В настоящий момент ряд экономических маркеров свидетельствует о низком уровне энергоэффективности. В то же время, есть простые и недорогие меры по оптимизации, которые могут сократить потери, что позволит направить освободившиеся мощности на удовлетворение возрастающих потребностей, чтобы избежать частых блэкаутов. В рамках нашего исследования попытаемся проанализировать энергетический сектор экономики Узбекистана и выявить оптимальные варианты повышения его эффективности.

Ключевые слова: Узбекистан, энергетика, экономика, энергобезопасность, сотрудничество.

Для цитирования: Умаров Д. Г. Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана. Постсоветские исследования. 2022;5(5):482-493.

Modern problems and prospects of improving the energy policy of Uzbekistan

Doston G. Umarov

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032185182@rudn.ru*

Abstract. Granting the energy security of Uzbekistan is a matter of national security, as a power outage or a shortage threatens to suspend the work of state institutions, schools, hospitals, transport and equipment important from the point of view of the security of external borders. In a rapidly changing world, Uzbekistan needs to be prompt in addressing new challenges. Dependence on external players entails associated risks, in which the country is limited in its capabilities and space for maneuver. Since 1991, when Uzbekistan gained state independence, the energy agenda has remained one of the most difficult state problems. The creation of a national energy system inevitably leads to an increase in the cost of electricity, as maintenance costs increase and the factor

of saving on the volume of electricity generation is excluded. Nevertheless, the increase in costs in one place in the long chain of production and supply of electricity can be effectively compensated in another. If Uzbekistan manages to increase energy efficiency by reducing losses in the production and supply of electricity, and reduces the cost of energy produced at power plants, then it is possible to offset the increase in costs. Another way to combat the increase in electricity prices is to diversify electricity supplies by attracting partners from Central Asian countries and China. At the moment, a number of economic markers indicate a low level of energy efficiency. At the same time, there are simple and inexpensive optimization measures that can reduce losses, which will allow you to direct the released capacity to meet increasing needs in order to avoid frequent blackouts. As part of our research, we will try to analyze the energy sector of the economy of Uzbekistan and identify the best options for improving its efficiency.

Keywords: Uzbekistan, energy, economy, energy security, cooperation.

For citation: Doston G. Umarov. Modern problems and prospects of Improving the Energy Policy of Uzbekistan. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):482-493. (In Russ.)

Перспективы развития энергетической инфраструктуры на основе дорожных карт сотрудничества.

Во всех четырех случаях Россия, Китай, Южная Корея и страны Центральной Азии проявляют глубокую заинтересованность в сотрудничестве с Узбекистаном в области развития энергетической инфраструктуры. Это естественная область интересов, учитывая слаборазвитые ресурсы Узбекистана природного газа, урана и солнечной/гидроэнергетики. Тем не менее, процесс сотрудничества и целевые области варьируются в зависимости от страны в зависимости от опыта/ технологии, которыми обладают, и корпоративных или государственных интересов [Fazendeiro 2017: 409-427].

Исторически сложилось так, что Россия была доминирующей державой в отношении освоения традиционных ресурсов по нескольким причинам. Во-первых, транспортная инфраструктура, которая доставляет эти ресурсы конечным пользователям, проходит через Россию, и у Узбекистана не было другого маршрута для экспорта своих ресурсов до строительства транспортных сетей, связанных с Китаем. Во-вторых, Россия была и остается основным источником технологий, особенно в том, что касается добычи полезных ископаемых.

В-третьих, Россия заинтересована в сохранении своего доминирующего положения в экспорте узбекских ресурсов,

хотя были построены альтернативные каналы, связанные с Китаем. В значительной степени устойчивый интерес России к сохранению своей монополии на узбекском рынке отражен в новейших дорожных картах сотрудничества. Однако, что отличает эти недавние планы, связанные с энергетикой, от предыдущих планов, так это смелое, противоречивое решение правительства Узбекистана при президенте Мирзиёеве искать ядерные технологии и построить первую атомную станцию в регионе Центральной Азии с использованием российских технологий. Это потенциально прорывное событие для Узбекистана, который долгое время испытывал нехватку электроэнергии и природного газа из-за предпочтения предыдущего правительства экспорту природного газа и слаборазвитости электроэнергетической инфраструктуры страны. Поэтому среди проектов, которые Узбекистан развивает с Россией, проекты строительства атомных станций выделяются по сравнению с портфелями проектов в сотрудничестве с другими странами [Fazendeiro 2018: 5].

В то время как Россия надеется использовать Узбекистан для экспорта своих ядерных технологий и создать прецедент для других стран ЦА, стремящихся к ядерным технологиям, таких как Казахстан, Узбекистан рассматривает сотрудничество с Россией в строительстве АЭС как способ диверсификации и

увеличения своих мощностей по производству электроэнергии, что имеет решающее значение для его промышленного развития. Поэтому Узбекистан рассматривает атомные станции не просто как способ удовлетворения своих текущих потребностей в электроэнергии, а скорее как способ расширения своего промышленного потенциала [Freeman 2018: 635-654].

Как показано выше, Узбекистан привлекает российские компании к строительству атомных электростанций и к столь необходимой модернизации существующих объектов электроэнергетики и гидроэнергетики. Многие из этих объектов были построены во времена Советского Союза, и, таким образом, Россия находится в наилучшем положении для их модернизации. Строительство новых гидроэлектростанций также будет осуществляться российскими компаниями из-за опыта, которым эти компании обладают, работая в Узбекистане, и из-за общего понимания технического языка между российскими и местными специалистами, что представляет собой преимущество российских компаний по сравнению с китайскими, южнокорейскими и японскими компаниями. Опять же, для Узбекистана модернизация этих объектов предназначена не только для удовлетворения текущих потребностей страны, но и для подготовки страны к интенсивной индустриализации, которая потребует значительного количества новых и устойчивых энергетических ресурсов.

Связанные с Китаем проекты дорожных карт сотрудничества в некоторой степени напоминают проекты России. Они также сосредоточены на раскопках и разработке новых запасов различных источников энергии. Однако самое большое отличие заключается в том, что многие из этих проектов концептуализированы как часть проектов Шелкового пути и предназначены для соединения китайских конечных пользователей с узбекскими поставщиками. В настоящее время это очень важная задача для Узбекистана, учитывая его цель деколонизировать свой доступ к мировым

рынкам и избежать чрезмерной зависимости от российского маршрута [Libman 2018: 7].

Второе различие между китайскими проектами и российскими проектами заключается в том, что китайские проекты почти полностью оплачиваются за счет займов от созданных Китаем финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктуры и инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. В этом смысле эти проекты не обязательно ложатся финансовым бременем на Узбекистан в краткосрочной перспективе и поэтому выглядят привлекательно. Однако долгосрочные перспективы погашения этих кредитов еще должным образом не обсуждались и не рассматривались. Погашение кредита особенно неопределенно, поскольку в 2019 году Узбекистан объявил, что намерен прекратить поставки природного газа на внешние рынки примерно к 2025 году и вместо этого использовать его для внутреннего потребления и производства продукции с добавленной стоимостью.

Кроме того, Узбекистан указал, что он стремится создать хаб для поставок природного газа в государства региона, тем самым отдав предпочтение региональным потребителям по сравнению с российскими и китайскими потребителями. В-третьих, новая технология, которую Китай предлагает Узбекистану, связана со строительством мощностей по производству электроэнергии на солнечной и ветровой энергии, которыми Узбекистан в настоящее время не располагает самостоятельно. Учитывая богатые солнечные и ветровые ресурсы Узбекистана, проекты, связанные с Китаем, предлагают уникальную технологию, которая потенциально может произвести революцию в энергетическом секторе Узбекистана [Megoran, Sharipova 2013: 79].

Дорожные карты сотрудничества с Южной Кореей в значительной степени основаны на долгой истории участия южнокорейских компаний в экономике Узбекистана со времен первого президента Узбекистана. Многие проекты, включенные в новые дорожные карты, реализуются компаниями, которые уже давно работают в

Узбекистане. Кроме того, многие из этих компаний не уделяют особого внимания добыче энергоресурсов для транспортировки в Южную Корею, что очень сложно с точки зрения логистики. Скорее, они пытаются использовать богатые ресурсы, имеющиеся в Узбекистане, для производства продуктов с добавленной стоимостью, и эта ориентация хорошо воспринимается правительством Узбекистана, которое стремится развивать собственное экспортно-ориентированное производство товаров с добавленной стоимостью вместо экспорта сырьевых минеральных ресурсов. Большинство проектов, упомянутых ниже, имеют такую направленность, как показано в приведенном ниже списке репрезентативных проектов.

Связанные с Японией проекты в области управления энергетическими ресурсами в основном отражают сильные стороны японских компаний в модернизации существующих мощностей с использованием современных японских ноу-хау. В этом смысле Япония стремится предложить Узбекистану более новые и устойчивые технологии, чем предлагает Россия. Правительство Японии уже участвовало в модернизации Навоийской ТЭЦ путем строительства второй установки с комбинированным газовым циклом (JICA Navoi thermal power station) [Dadabaev 2019: 893-917]. Новые дорожные карты включают в себя строительство новой газовой установки комбинированного цикла. Вторая область, к которой Япония исторически проявляла интерес, — это область разведки природных ресурсов, особенно в отношении ресурсов, которые Япония может использовать на своем собственном рынке¹. Одним из таких ресурсов является уран, который Япония использует на своих атомных станциях. Дорожные карты включают два контракта на поставки урана, один от Marubeni Corporation на 480

миллионов долларов США и другой от Itochu Corporation на 600 млн долларов.

Кроме того, правительство Узбекистана разработало проект с Японской Национальной корпорацией нефти, газа и металлов (JOGMEC) по совместному геологическому изучению ресурсов золота и вольфрама в Навоийской области с возможностью получения японскими компаниями исключительных прав на добычу². Третья область, которая приносит пользу Узбекистану, — это безопасность атомных электростанций. Япония имеет как положительный, так и отрицательный опыт в этой области, который она может предложить Узбекистану. Положительный опыт связан с использованием Японией большого числа атомных электростанций и значительной зависимостью от их безопасного функционирования в обеспечении устойчивого энергоснабжения своей экономики. Негативный опыт связан с несколькими ядерными инцидентами в Японии, самый крупный из которых произошел в марте 2011 года и стал для Японии серьезным, но все же незаменимым опытом в области безопасной эксплуатации АЭС. Правительство Узбекистана, как отражено в дорожных картах сотрудничества, надеется извлечь выгоду из такого опыта, поскольку оно строит свою первую атомную станцию и свое ядерное агентство "Узатом".

Реализация проектов строительства транспортной инфраструктуры с иностранными партнерами.

Что касается инфраструктуры развития транспорта, то не все дорожные карты касаются развития транспортной инфраструктуры с точки зрения связности. Наиболее активным партнером с точки зрения официальной риторики и дорожных карт в отношении строительства и развития транспортной инфраструктуры в Узбекистане был Китай. Это связано с тем фактом, что китайская инициатива "Новый

¹ JOGMEC to launch the first uranium joint exploration in Uzbekistan. // JOGMEC URL: <https://www.jogmec.go.jp/english/news/release/release0023.html> (дата обращения: 15.05.2022).

² Japan: JOGMEC Gold and Tungsten Resource Survey for Japanese mining in Uzbekistan // GAT URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/43072/japan-jogmec-gold-and-tungsten-resource-survey-for-japanese-mining-in-uzbekistan> (дата обращения: 15.05.2022).

шелковый путь" направлена на сокращение времени, затрачиваемого на транспортировку китайских товаров на внешние рынки. В этом смысле Китай рассматривает развитие транспортной инфраструктуры как один из столпов двустороннего сотрудничества с Узбекистаном [Chen, Fazilov 2018: 71]. Как описано в списке проектов, включенных в дорожные карты, строительство различных коридоров занимает важное место в повестке дня сотрудничества с Китаем, и Узбекистан полностью поддерживает этот тип проектов, поскольку он также открывает возможности для выхода узбекских товаров на китайский рынок. Хорошим примером этого является строительство железных дорог из Узбекистана через Кыргызстан в Китай. Узбекистан является решительным сторонником этого проекта.

Второй тип проектов, которые Узбекистан считает приоритетными в дорожных картах сотрудничества с Китаем, — это создание единой тарифной транспортной инфраструктуры, объединяющей затраты на транспортные услуги. Это позволило бы потенциальным клиентам использовать один тариф для перевозки своих товаров через несколько государств. Кроме того, Узбекистан лоббирует упрощение транспортных и лицензионных процедур для транспортировки своей энергетической продукции в Китай.

Интересно, что к третьему типу проектов относятся проекты, которые не обязательно касаются инфраструктуры на территории Узбекистана, а скорее соединяют инфраструктуру Узбекистана с инфраструктурой Афганистана или ищут финансирование для строительства узбекско-афганской транспортной инфраструктуры. Благодаря такому подходу Узбекистан стремится достичь нескольких целей. Во-первых, правительство Узбекистана (и его главная национальная железнодорожная компания "Узбекистон Темир Йуллари") ищут роль субподрядчиков для международных агентств и организаций по развитию в строительстве инфраструктуры для Афганистана. Узбекистан уже имеет такой

опыт в северном Афганистане, и он стремится извлечь экономическую выгоду из строительства таких проектов. Во-вторых, Узбекистан рассматривает Афганистан, наряду с другими государствами Центральной Азии, в качестве основного направления своей политики экономической экспансии [Dadabaev 2016: 69-85].

Таким образом, строительство железной дороги в Афганистан является одной из целей, которую Узбекистан надеется достичь, соединив свои проекты с теми, которые Китай поддерживает в своей инициативе "Один пояс и один путь". В-третьих, стремясь интегрировать Афганистан в свою собственную инфраструктуру и открыть рынок Афганистана для собственных транспортных услуг, Узбекистан стремится наладить финансовый диалог между ЦА и Афганистаном, в котором он играет центральную роль. Он также стремится использовать возможности, предоставляемые строительством транспортной инфраструктуры вдоль маршрута Пакистан-Китай, для финансирования участка железной дороги Афганистан-Узбекистан, уделяя особое внимание соединению участка Узбекистан-Мазари-Шариф с Кабулом и южным Афганистаном. В этом смысле Узбекистан стремится использовать возможности, предоставляемые китайским проектом «Пояс и Путь», для расширения своей собственной роли в качестве регионального транспортного узла. Кроме того, в декабре 2018 г. надежды Узбекистана еще более усилились благодаря поддержке России, Казахстана, Афганистана и Пакистана в создании финансового консорциума для новой железной дороги "Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар" [Dadabaev 2018: 162-175].

Узбекско-японские дорожные карты предполагают, что японское участие в проектах транспортной инфраструктуры отличается от китайского. В этом смысле в видении Узбекистаном вклада Китая и Японии в транспортную инфраструктуру нет конфликта интересов или структурной конкуренции. Одним из аспектов, подчеркиваемых узбекскими дорожными

картами, является вклад Японии в модернизацию внутренней железнодорожной инфраструктуры путем предложения японских технологий для управления железнодорожным сообщением и эксплуатации железных дорог и аэропортов. В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, этот сектор в Узбекистане был объединен с управлением национального перевозчика Uzbekistan Airways, который также управляет национальными аэропортами. Однако такая структура управления привела к коррупции, неэффективности и грубому нарушению международных правил и практики [Dadabaev 2019: 893-917].

В начале 2019 года правительство приняло решение о денационализации аэропортов в целях повышения их эффективности и повышения привлекательности страны для посетителей. Правительство Узбекистана обратилось за помощью в модернизации своих аэропортов, и правительство Японии провело несколько проектов модернизации местных аэропортов. В самых последних "дорожных картах" Узбекистан выступил с инициативой передачи управления национальными аэропортами иностранным компаниям, и японские корпорации занимают высокое место в оценке узбекского правительства. Благодаря этим реформам Узбекистан надеется повысить связность своей транспортной инфраструктуры [Djalilova, Esteban 2018: 3-14].

Таким образом, возможно сделать три вывода. Во-первых, было продемонстрировано, что Узбекистан переходит от экономической модели, которая жестко контролируется правительством, к модели, которая более тесно связана с моделью развивающегося государства. В рамках такой модели правительство определяет свои приоритеты в отношении инвестиций и развития инфраструктуры, а также в отношении сотрудничества с международными партнерами. В этом процессе узбекское государство развития стремится применить свой собственный подход к проектам,

связанным с энергетикой и инфраструктурой, с позиции "я", не преуменьшая важности этих проектов с точки зрения подключения и продвижения торговли. В таком описании развитие инфраструктуры в основном относится к энергетике, транспорту, индустриализации, водоснабжению и возобновляемым источникам энергии. Во-вторых, утверждалось, что Узбекистан смотрит за рамки риторики о связях в интересах своих иностранных партнеров в области энергетики и транспорта и стремится извлечь выгоду из связанных с этим проектов, чтобы позиционировать себя в качестве промышленного и транспортного узла для других стран Центральной Азии и Афганистана. Узбекистан не заинтересован в том, чтобы стать просто транзитной территорией для промышленных китайских товаров или конечным потребителем российских ядерных технологий. Кроме того, Узбекистан не заинтересован в том, чтобы оставаться зависимым от российской транспортной инфраструктуры для экспорта своих энергоресурсов, таких как природный газ. Он стремится использовать транспортную инфраструктуру для укрепления своего положения в качестве логистического центра для товаров и технологий, что в конечном итоге приведет к производству определенных промышленных товаров для реэкспорта в РФ, КНР, Афганистан и другие страны. Для Узбекистана эти инфраструктурные инициативы являются частью его программы деколонизации, направленной на то, чтобы перевести его экономику с сырьевой на экспорт продукции с добавленной стоимостью. В-третьих, Узбекистан приписывает различные роли проектам, осуществляемым со своими партнерами по иностранным инвестициям, при этом России в основном приписывается роль традиционного поставщика энергии и недавно приобретенная роль партнера по строительству АЭС. Проекты, связанные с КНР, сосредоточены на создании энергетической и транспортной инфраструктуры, а также на местном производстве. Проекты Южной Кореи с

Узбекистаном сосредоточены в первую очередь на сотрудничестве средних и малых предприятий, переработке местных минеральных ресурсов в готовую к экспорту продукцию, а также модернизации узбекского управления и городского хозяйства. Япония выступает в основном в качестве поставщика ноу-хау для оптимизации железнодорожных перевозок и аэропортов.

Препятствия на пути имплементации энергетической дипломатии в решении проблем энергобезопасности Узбекистана.

Энергетическая безопасность и энергоэффективность являются основными стратегическими целями энергетической политики любого государства. В связи с этим в стране предпринимается ряд мер, в том числе Указ Президента от 27 марта 2019 г. "О стратегии дальнейшего развития и реформирования электроэнергетического сектора Республики Узбекистан"¹, на базе АО "Узбекэнерго" АО "Тепловые электростанции", были созданы АО "Национальные электрические сети Узбекистана" и АО "Региональные электрические сети". Кроме того, в целях создания эффективной системы управления в энергетическом секторе и ускорения развития отрасли, повышения ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Президент Республики Узбекистан 1 февраля 2019 г. подписал Указ "О мерах по коренному совершенствованию системы управления топливно-энергетическим сектором". Был принят указ № ПФ-5646². Этим указом в качестве приоритетов дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса Республики Узбекистан определены следующие: во-первых, проведение единой энергетической политики, направленной на

обеспечение энергетической безопасности страны, удовлетворение растущих потребностей экономики и населения в энергоресурсах; во-вторых, государственное регулирование энергетического сектора и четкое разграничение экономических функций, совершенствование правовых и институциональных рамок социального и государственно-частного партнерства, разработка четких рыночных механизмов реализации тарифной политики и на этой основе продвижение принципов здоровой конкурентной среды; в-третьих, создание условий для активного привлечения инвестиций в строительство объектов инфраструктуры, а также модернизацию, техническое и технологическое перевооружение предприятий, особенно иностранных прямых инвестиций; в-четвертых, реализация государственной политики в области энергосбережения и снижения энергопотребления экономики, стимулирование внедрения передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий в отраслях экономики и бытовом секторе, широкое развитие альтернативных источников энергии; в-пятых, широкое внедрение современных средств автоматизации технологических процессов в энергетическом секторе, систем учета объемов производства, поставок и потребления энергоресурсов; в-шестых, оптимизация системы управления сетевыми предприятиями, их структурами и подразделениями, внедрение современных методов организации работы, направленных на достижение конкретных результатов и целевых показателей (управление качеством, индикативное планирование) [Кодиров 2022: 3].

Географическое положение и унаследованная энергетическая инфраструктура превратили Узбекистан в чрезвычайно важного игрока, без которого любая инициатива по улучшению центральноазиатского энергетического сотрудничества, скорее всего, потерпит неудачу. Тем не менее, в течение последнего десятилетия Узбекистан использовал свои инфраструктурные, а также географические преимущества не только для обеспечения надежности энергоснабжения в регионе.

¹ Указ Президента О стратегии дальнейшего развития и реформирования электроэнергетической отрасли Республики Узбекистан ПП-4249-сон 27.03.2019. // Lex.uz URL: <https://lex.uz/ru/docs/4257085> (дата обращения: 15.05.2022).

² Указ Президента О мерах по коренному совершенствованию системы управления топливно-энергетической отраслью Республики Узбекистан УП-5646-сон 01.02.2019 // Lex.uz URL: <https://lex.uz/ru/docs/4188806> (дата обращения: 15.05.2022).

Узбекские власти используют свои преимущества для блокирования поставок электроэнергии и энергоносителей в другие государства, чтобы влиять на внешнюю политику последних. Узбекистан был недоволен существующими условиями торговли электроэнергией и энергоносителями, согласно которым страны, расположенные выше по течению, получали поставки по сниженным ценам. Поэтому было принято решение перенаправить поставки электроэнергии и энергоносителей на внешние рынки, которые платят более высокие цены. Это привело к распаду Центральноазиатской энергосистемы, которая была частью ЦАЭС и состояла только из электросетей [Телегина, Халова 2017: 38-46].

Распад ЦАЭС повлиял на краткосрочную и среднесрочную доступность газа и тепловой электроэнергии для государств, расположенных выше по течению, и поставки гидроэлектроэнергии в государства, расположенные ниже по течению. ЦАЭС была разработана как сложная сеть взаимозависимых субъектов (энергетических секторов страны) для производства и передачи электроэнергии наиболее эффективным способом. Гидроэнергетика, производимая на севере Кыргызстана, не могла обойти Узбекистан, добираясь до южных регионов. Для Кыргызстана было экономически выгодно использовать узбекские электросети для снабжения электроэнергией южных регионов.

Аналогичным образом, гидроэлектроэнергия, вырабатываемая в южных районах Таджикистана, не могла достичь северных территорий, минуя территорию Узбекистана. Таджикистан также поставлял электроэнергию на самый юг Узбекистана. Туркменистан изначально был импортером узбекской электроэнергии, но затем превратился в экспортера собственной электроэнергии. Казахстан как импортировал, так и экспортировал электроэнергию в Кыргызстан и из него, а также получал поставки из Узбекистана. Узбекские власти считают, что Узбекистан входит в число немногих стран в мире,

которые располагают достаточными запасами энергии для удовлетворения энергетических потребностей.

Ислам Каримов, президент Республики Узбекистан, говоря о важности развития энергетического сектора, заявил: “Республика станет полностью независимой, когда обретет энергетическую независимость”¹. Руководствуясь, отчасти, этой верой в свою самодостаточность, Узбекистан в 2009 г. вышел из соглашения ЦАЭС и тем самым поставил под угрозу надежные отношения по поставкам газа в регионе. Узбекистан был центром энергетической инфраструктуры Центральной Азии, и его изоляционистская энергетическая политика привела к продолжающемуся разрушению всей системы и повлияла на энергетическую безопасность во всех вовлеченных странах. При разработке новой энергетической политики узбекские власти должны серьезно учитывать возникающие проблемы энергетической безопасности, такие как усиление дефицита электроэнергии и газа, в том числе в самом Узбекистане.

В своих попытках создать максимально безопасную независимую энергетическую систему власти Узбекистана уделили приоритетное внимание удовлетворению энергетических потребностей страны полностью за счет собственных ресурсов, поддержанию доступных цен для внутренних потребителей и увеличению объемов экспорта газа и электроэнергии.

Однако следующие обстоятельства влияют на вклад вышеупомянутых политических приоритетов в повышение энергетической безопасности Узбекистана [Халмуминов Ж. Т., Аюпова 2014: 473]:

- Энергетический сектор Узбекистана и, следовательно, его энергетическая безопасность в значительной степени зависят от единственного источника энергии — природного газа. Однако

¹ Development Strategy of New Uzbekistan for the period of 2022-2026. Interview with Eldor Tulyakov // CABAR.asia URL: <https://cabar.asia/en/development-strategy-of-new-uzbekistan-for-the-period-of-2022-2026-interview-with-eldor-tulyakov> (дата обращения: 15.05.2022).

большая часть газа, добываемого в стране, потребляется внутри страны. Таким образом, любая попытка увеличить экспорт газа на внешние рынки идет в ущерб внутреннему потреблению.

- Правительство Узбекистана субсидирует свой газовый сектор, чтобы сохранить доступные цены. Низкие внутренние цены делают невозможным получение высоких доходов и перераспределение достаточных средств для развития любых ВИЭ, которые обеспечат долгосрочные поставки энергии. Более того, субсидируемый рынок газа делает относительно дорогие ВИЭ непривлекательными для частных инвесторов.
- Энергетическая инфраструктура страны устарела, а существующие энергетические ресурсы используются неэффективно, что влияет на ее способность обеспечивать достаточность энергоснабжения населения и удовлетворять его экономические потребности.

Принимая во внимание тот факт, что Узбекистан активно использует свой газовый потенциал, в будущем не следует ожидать бума добычи газа. В качестве единственного источника энергии на природный газ уже приходится примерно 85 процентов потребления первичной энергии, что ограничивает физическую способность Узбекистана значительно увеличить свои возможности по экспорту газа. "Узбекнефтегаз" поставил 48,8 млрд. м³ газа при добыче 57,3 млрд. м³ для внутренних потребителей в 2014 году. Высокий уровень потребления газа может быть вызван чрезмерной зависимостью от газа для производства электроэнергии, отопления и снабжения топливом [Захидов, Таджиев 2017: 503-507].

Кроме того, устаревшие и, следовательно, неэффективные объекты добычи, распределения и потребления газа в сочетании с большим населением (около 30 млн человек, что почти вдвое меньше, чем в Центральной Азии) являются ключевыми факторами. Например, установленная мощность всех электростанций в

Узбекистане превышает 12,3 гигавайт (ГВт), что составляет 50 процентов от всех генерирующих мощностей соединенных штатов, при этом на ТЭС приходится более 11 ГВт, а на гидроэлектростанции (ГЭС) - около 1,3 ГВт. Восемьдесят семь процентов всей электроэнергии производится в основном на газовых ТЭС. Значительное потребление при ограниченных производственных мощностях означает, что любая инициатива по увеличению экспорта газа внешним потребителям негативно скажется на поставках газа внутренним потребителям [Захидов, Таджиев, Киселева 2019: 677-682].

Власти Узбекистана недавно договорились о достижении годового объема экспорта в 10 млрд. м³ по линии С газопровода Центральная Азия-Китай (CAGP). Однако неэффективность из-за устаревшей инфраструктуры природного газа, растущего спроса на энергию внутри страны и отсутствия развития в крупных запасах природного газа есть признаки физической неспособности Узбекистана увеличить свои экспортные мощности по газу без ущерба для внутреннего потребления. Но в условиях сильно субсидируемого внутреннего энергетического рынка власти РУ по-прежнему заинтересованы в увеличении экспорта газа на внешние рынки.

В настоящее время власти Узбекистана увеличивают экспорт газа в Китай за счет сокращения экспорта по всем другим направлениям, включая Россию. Как упоминалось ранее, правительство Узбекистана субсидирует свой газовый сектор. В 2014-2015 гг. бытовые потребители Узбекистана платили около 50 долларов США за 1000 м³ газа, в то время как в последнее время страна экспортирует газ на внешние рынки по цене, в пять-восемь раз превышающей эту цену. Государственные субсидии на газ обходятся бюджету страны почти в 10 млрд долларов ежегодно [Мазур 2018: 57-69].

Эти субсидии делают поставки газа относительно доступными для населения, но они также оказывают ряд негативных последствий на устойчивость энергоснабжения. Во-первых, правительство

заинтересовано в увеличении объемов экспорта газа за счет внутреннего потребления, поскольку внешние потребители платят больше. Во-вторых, субсидируемый внутренний рынок газа не позволяет частным субъектам активно участвовать в продаже и распределении газа. В-третьих, субсидии считаются одной из основных проблем на пути привлечения инвестиций в развитие ВИЭ в Узбекистане. Несмотря на значительный технический потенциал для производства электроэнергии из возобновляемых источников¹, в настоящее время он крайне слабо развит, поскольку его доля не превышает двух процентов (без учета гидроэнергетики) от общего производства электроэнергии.

Неэффективные объекты по переработке и доставке энергии, на долю которых приходится 60% потерь первичной энергии, являются самыми большими проблемами для Узбекистана в создании самодостаточной энергетической системы. Потери, вызванные устаревшей и неэффективной инфраструктурой добычи и транспортировки газа, обходятся Узбекистану примерно в 4,5% его ВВП ежегодно. Только на сжигание газа в факелах приходится 1,8 млрд м³ потерь газа в стране. Узбекистан входит в число 20 ведущих стран мира по сжиганию газа на

факелах. В этой связи более масштабные инициативы в области энергетики могут внести значительный вклад в повышение уровня энергетической безопасности в РУ.

Таким образом, Узбекистан, обладающий значительными возможностями по добыче газа, избежал серьезных и длительных кризисов в области поставок электроэнергии и топлива. Однако энергетическая безопасность страны не должна быть вопросом выживания, где большинство населения получает электричество для освещения, но даже без возможности использовать обогреватели или кондиционеры; скорее, энергетическая безопасность должна быть вопросом достаточных поставок газа и электроэнергии для удовлетворения как экономических, так и демографических потребностей в обозримом будущем. Таким образом, внедрение рыночных механизмов в сектор продажи и распределения газа, развитие ВИЭ и инвестиции в инициативы в области энергетики также требуют немедленного политического приоритета со стороны властей. В качестве альтернативы Узбекистан может извлечь выгоду из восстановления торговли электроэнергией внутри Центральной Азии и импорта гидроэлектроэнергии из соседних стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chen X., Fazilov F.* (2018) Re-centering Central Asia: China's "new great game" in the old Eurasian heartland. *Palgrave Commun* 4(2018):71.
- Dadabaev T.* (2016) One village—one product: the case of JICA's community empowerment project in Kyrgyzstan. *Palgrave Macmillan, New York*, pp 69–85
- Dadabaev T.* Developmental state and foreign policy in post-Karimov Uzbekistan. In: the SAGE handbook of Asian foreign policy. SAGE, London, 2019. pp 893–917.
- Dadabaev T.* Uzbekistan as central Asian game changer? *Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. Asian J Comparat Politics* 4(2) 2018:162–175
- Djalilova N., Esteban M.* Feasibility study of hybrid wind-solar stand-alone energy systems for remote regions in developing countries: the case of post-soviet Uzbekistan. *Int J Sust Future Human Sec* 6(1) 2018:3–14
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's defensive self-reliance: Karimov's foreign policy legacy. *international affairs* 93(2) 2017:409–427.
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's foreign policy: the struggle for recognition and self-reliance under Karimov. *Routledge, Oxford*. 2018. P. 5.
- Freeman C.P.* New strategies for an old rivalry? China–Russia relations in Central Asia after the energy boom. *Pac Rev* 31, 2018:635–654.
- Libman A.* Government-business relations in post-soviet space: the case of Central Asia, MPRA paper 11874. *University Library of Munich, Germany*. 2018. P. 7.

- Megoran N., Sharipova S.* Central Asia in international relations: the legacies of Halford Mackinder. Hurst and Co, London. 2013. P. 79.
- Захидов Р.А., Таджиев У.А., Киселева Е.И.* Возобновляемые источники энергии как фактор обеспечения энергетической безопасности Узбекистана. Экологическая, промышленная и энергетическая безопасность-2017. С. 503-507.
- Захидов, Р.А., Таджиев, У.А., Киселева, Е.И.* Тенденции развития сектора электроэнергетики Узбекистана и проблемы энергетической, экологической безопасности. Экологическая, промышленная и энергетическая безопасность-2019. С.. 677-682).
- Кодиров Д.Б.* Водная, продовольственная и энергетическая безопасность в условиях Узбекистана. International conferences on learning and teaching (Vol. 1, No. 2). 2022. С. 3.
- Мазур И.И.* Глобальная энергетическая безопасность. Век глобализации, (1) 2018, 57-69.
- Телегина Е.А., Халова Г.О.* Энергетическая безопасность и энергетическая интеграция в Центральной Азии. Энергетическая политика, (1),2017. Рр. 38-46.
- Халмуминов Ж.Т., Аюпова З.К.* Правовые вопросы энергетической безопасности Республики Узбекистан. ХАБАРШЫ ВЕСТНИК, 2014. С. 473.

REFERENCES

- Chen X., Fazilov F.* (2018) Re-centering Central Asia: China's "new great game" in the old Eurasian heartland. *Palgrave Commun* 4(2018):71.
- Dadabaev T.* (2016) One village—one product: the case of JICA's community empowerment project in Kyrgyzstan. *Palgrave Macmillan*, New York, pp 69–85
- Dadabaev T.* Developmental state and foreign policy in post-Karimov Uzbekistan. In: the SAGE handbook of Asian foreign policy. SAGE, London, 2019. pp 893–917.
- Dadabaev T.* Uzbekistan as central Asian game changer? *Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. Asian J Comparat Politics* 4(2) 2018:162–175
- Djalilova N., Esteban M.* Feasibility study of hybrid wind-solar stand-alone energy systems for remote regions in developing countries: the case of post-soviet Uzbekistan. *Int J Sust Future Human Sec* 6(1) 2018:3–14
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's defensive self-reliance: Karimov's foreign policy legacy. *international affairs* 93(2) 2017:409–427.
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's foreign policy: the struggle for recognition and self-reliance under Karimov. *Routledge*, Oxford. 2018. P, 5.
- Freeman C.P.* New strategies for an old rivalry? China–Russia relations in Central Asia after the energy boom. *Pac Rev* 31, 2018:635–654.
- Libman A.* Government-business relations in post-soviet space: the case of Central Asia, MPRA paper 11874. University Library of Munich, Germany. 2018. P. 7.
- Megoran N., Sharipova S.* Central Asia in international relations: the legacies of Halford Mackinder. Hurst and Co, London. 2013. P. 79.
- Zahidov R.A., Tadzhiev U.A., Kiseleva E.I.* Vozobnovlyaemye istochniki energii kak faktor obespecheniya energeticheskoy bezopasnosti Uzbekistana. *Ekologicheskaya, promyshlennaya i energeticheskaya bezopasnost'-2017. S. 503-507.*
- Zahidov, R.A., Tadzhiev, U.A., Kiseleva, E.I.* Tendencii razvitiya sektora elektroenergetiki Uzbekistana i problemy energeticheskoy, ekologicheskoy bezopasnosti. *Ekologicheskaya, promyshlennaya i energeticheskaya bezopasnost'-2019. S. 677-682).*
- Kodirov D.B.* Vodnaya, prodovol'stvennaya i energeticheskaya bezopasnost' v usloviyah Uzbekistana. International conferences on learning and teaching (Vol. 1, No. 2). 2022. S. 3.
- Mazur I.I.* Global'naya energeticheskaya bezopasnost'. *Vek globalizacii*, (1) 2018, 57-69.
- Telegina E.A., Halova G.O.* Energeticheskaya bezopasnost' i energeticheskaya integraciya v Central'noj Azii. *Energeticheskaya politika*, (1),2017. Рр. 38-46.
- Halmuminov Zh.T., Ayupova Z.K.* Pravovye voprosy energeticheskoy bezopasnosti Respubliki Uzbekistan. *HABARSHY VESTNIK*, 2014. S. 473.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Умаров Достон Гайратович, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия. E-mail: 1032185182@rudn.ru
Doston G. Umarov, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: 1032185182@rudn.ru